

Александр Вяльцев

АКСЕНОВ любит движение. Тема эта – знамя битнической литературы. Движение увело его в Америку, откуда он шлет нам послания. Герой послания (рассказ «Блюз 116-го маршрута» в 100-м номере «Континента»), стареющий писатель-эмигрант, тоже двигается. Двигается в троллейбусе по московским улицам. Я никогда не думал, что столько приключений может произойти в троллейбусе. Или с берегов Потомака троллейбусный маршрут кажется чем-то экзотическим? Может быть, рассказ писался для американцев? Тогда понятно, зачем в рассказе появляются информационные коды, которые сразу настраивают американского интеллектуала на «русский дискурс»: подбитый глаз героя сияет цветами картин Кандинского, а в качестве прежних пассажиров маршрута мелькают Бурлюк с Маяковским. Тогда ясно, кому автор объясняет, что в теперешней Москве церкви «возвращаются в православное ведомство» (стильто каков!). И каким читателям, кроме снабженных голливудскими мозгами, необходимы штампы про «сталинские железобетонные

Василий Аксенов в 100-м «Континенте»

КОНЕЦ МАРШРУТА

издававшийся журнала. — 1999. — № 100. — С. 8

*сапоги», Красную площадь и до-
рогое троебуквие КГБ?*

Увы, упражняясь в столь подкупавшем некогда интеллектуализме и составляя ликбезовский ряд почитаемых, вероятно, автором философов, автор разоблачает себя и, может быть, поколение. Начиная ряд Шопенгаузером, Аксенов заканчивает его «Леви-Страусом», путая философа-этнолога с маркой джинсов (и то лишь в слэнговой советской транскрипции), и, возможно, полагая, что это смешно. «Я пришел к тебе на хаус в модных джинсах Леви-Страуса» — фольклор 70-х.

Фабула рассказа проста: герой едет к приятелю-перерожденцу в гости (тот во время оно изменил идеалам и стал работать на власть), садится в 116-й троллейбус и попадает в лапы к водителю-антисемиту, по национальности татарину. И водитель из злобности калечит себя, троллейбус и героя. Потом встреча с этим странным водителем будет проследовать героя в каждый его приезд в Москву.

Собственно, в рассказе всего четыре героя: друг-перерожденец, его сын, прежде диссидент, а ныне какой-то криминальный бизнесмен, и водитель-антисемит с татарской фамилией. Между ними — герой, русский эмигрант и экс-писатель, «властитель дум» одного из поколений, как сообщают о нем Аксенов.

Все герои, для которых антисемитизм совсем не пустой звук, оказываются в Америке. Татарин-антисемит, единственный, кто остается в России, оказывается в реке. Греческий хор девушебольных поет на мосту ему славу, ожидая воскрешения. И новый, вероятно, «русский» герой воскресает и уносится вдаль на своем безумном троллейбусе (надо думать, обыгрывается мотив «птицы-тройки»).

Для чего написан этот рассказ? Кажется, автор поставил своей целью оплевать убогих и ущербных антисемитов, детей «потомственных московских дворников», свести счеты со старыми большевиками и нарисовать монструоз-

ный образ современной Москвы. Автор, видимо, считает, что если у него есть «враги», то писать имеет смысл. Но враги эти столь аляповаты, фабула столь нелепа, что кажется, что автор Москву видел лишь в теленовостях.

Тогда легко объяснить проклы и анахронизмы. Как мог автор забыть, что никаких кондукторов в начале восьмидесятых в наших троллейбусах не было. И откуда в образе молодых людей 91-го года, выселяющих партийцев из их апартаментов, появляются «джинсы и сникерсы», летающие абсолютно неактуальная, да и нереальная для тех лет. Автор по американской наивности думает, что сникерсы были всегда, как кокакола.

Довольно нескромно герой вспоминает, как его когда-то здесь любили и читали (в частности, женщины). Не исключено, любили бы и до сих пор, если бы он вовремя бросил писать.

Единственное верное замечание в рассказе, что в России перестали интересоваться Америкой. ■